

Блейк

Убийство — это не конец света. Следи, подмечай, думай, долго думай и в нужный момент уйди в пустоту. Вот оно. Уйди в пустоту. Умудрись сузить вселенную, и так сузить, чтобы она сосредоточилась в ружейном дуле или на острие ножа. И все. Главное, не сомневайся и не действуй в состоянии аффекта, просто выбери определенный протокол и методично ему следуй. Блейк знает как, и так давно знает, что уже не знает, когда, собственно, этому научился. А остальное приложится.

Блейк существует за счет чужих смертей. Только вот не надо нравоучений. На этические вопросы, ради бога, он ответит статистикой. Потому что — тут Блейк извиняется, — когда министр здравоохранения урезает бюджет, здесь томограф изымет, там врача сократит или, скажем, упраздняет отделение реанимации, он прекрасно отдает себе отчет, что значительно уменьшает шансы на жизнь многих тысяч незнакомых ему людей. Ответственен, но не виновен¹,

¹ “Ответственна, но не виновна” — знаменитая фраза бывшего министра социальных дел Франции Жоржины Дюфуа по поводу ее роли в так называемом деле о зараженной крови (1991 г.).

знакомая песня. Блейк-то как раз наоборот. Да и вообще ему что, теперь оправдываться, что ли, плевать он хотел.

Убивать — это не призвание, а предрасположенность. Настрой души, если угодно. Блейку одиннадцать лет, и его еще не зовут Блейк. Он сидит рядом с матерью в “пежо”, они едут по шоссе, недалеко от Бордо. И ведь тихо же едут, собака перебегает дорогу, их подбрасывает, но почти не заносит, мать вскрикивает, жмет на тормоз, слишком резко, машину разворачивает, мотор глохнет. Не выходи, дорогой, господи, только не выходи. Блейк не слушается, идет за ней следом. Серый колли еще жив, удар пришелся ему в грудную клетку, кровь стекает к обочине, он скулит, кажется, будто младенец плачет. Мать в панике мечется туда-сюда, закрывает руками глаза Блейку, что-то невнятно бормочет, собирается вызвать скорую. Ну мам, подумай, собака, делов-то. Колли задыхается на потрескавшемся асфальте, скрученное разбитое тело застыло в странной позе, его сотрясают конвульсии, но и они постепенно стихают, он умирает на глазах у Блейка, а Блейк с любопытством смотрит, как животное испускает дух. Все кончено. Мальчик изображает на лице легкую печаль, ну, скорее то, что он понимает под печалью, чтобы мать не расстраивать, но ничего при этом не чувствует. Мать в ужасе застывает над собачьим трупом, Блейку надоело, он тянет ее за рукав. Мам, да ладно, что тут стоять, он сдох же, ну давай, все, поехали, а то я опоздаю на футбол.

А еще убийство требует навыков. Блейк узнал, что у него с этим все в порядке, в тот день, когда дядя Шарль взял его с собой на охоту. Три выстрела — три зайца, прямо юное дарование. Он целился быстро,

стрелял метко, умел приноровиться к самым поганым карабинам и ружьям со сбитым прицелом. Девочки таскали его за собой на аттракционы, эй, ну пожалуйста, добудь мне жирафа, слона, геймбой, во, супер, давай еще! И Блейк раздавал им плюшевых зверей и электронные игрушки, он стал грозой тиров, а потом решил особо не светиться. Дядя Шарль научил его еще перерезать горло косулям, разделявать кроликов, Блейк в восторге. Только поймите правильно, он не получал никакого удовольствия, пристрелив и добив раненое животное... Он же не маньяк какой-то. Нет, ему нравится мастерский отточенный жест, безупречный автоматизм, достигнутый в результате долгих тренировок.

Блейку двадцать лет, он учится в школе отельеров в небольшом альпийском городке под своей чисто французской фамилией — Липовски, Фарсати или Мартен. И вовсе не за неимением лучшего, не надо грязи, он мог заняться чем угодно, электроника ему тоже пришла по душе, да и программирование, у него обнаружили способности к языкам, ему, кстати, хватило жалких трех месяцев стажировки у Лэнга в Лондоне, чтобы заговорить по-английски почти без акцента. Но больше всего Блейк любит готовить, любит за мимолетное ощущение пустоты, возникающей в те мгновения, когда он придумывает рецепты, за то, как неспешно течет время даже в лихорадочной кухонной суете, как долго тянутся секунды, пока он смотрит, как на сковородке тает сливочное масло, или тушит белый лук, взбивает суфле. Он любит благоухание специй, любит сочинять в тарелке композиции цветов и ароматов. Он мог бы стать первым учеником в своей школе отельеров. Ну, блин, Липовски (или Фарсати, или Мартен), нельзя ли как-то полюбезнее с клиентами,

вам бы это не повредило. Мы работаем в сфере обслуживания — обслуживания, вам ясно, Липовски (или Фарсати, или Мартен)!

Как-то вечером в баре один парень, пьяный вдрызг, сказал ему, что хочет кое-кого убить. У него наверняка была веская причина, по работе или из-за телки, Блейку все равно.

— Ты бы сделал это за деньги?

— С ума сошел, — фыркнул Блейк. — Большой на всю голову.

— Я хорошо заплачу, не обижу.

Он предложил сумму с тремя нулями. Но Блейк в ответ только расхохотался.

— Нет. Ты шутишь?

Блейк пил медленно, куда торопиться. Парень рухнул на барную стойку, Блейк потряс его за плечо.

— Слушай, есть у меня кое-кто на примете, он возьмется. За двойную цену. Я с ним лично не знаком. Завтра я тебе скажу, как с ним связаться, но потом ты никогда и словом об этом не обмолвишься, идет?

В ту ночь Блейк и придумал Блейка. В честь Уильяма Блейка, которого он прочел, посмотрев “Красного дракона” с Энтони Хопкинсом, и еще потому, что ему понравилось стихотворение:

Мать с отцом ломали руки —
Народился я на муки!
Я, беспомощный, кричал,
Словно бес меня терзал¹.

И потом, Блейк — блэк, блик и клик — блекнет лик.
На следующий же день на одном из североамерикан-

1 Перевод С. Степанова.

ских серверов из женевского интернет-кафе регистрируется пользователь *blake.mick.22*.

Блейк купил с рук за наличные подержанный ноутбук, приобрел старенький мобильник *Nokia* с предоплаченной симкой, фотоаппарат, телеобъектив. Полностью экипировавшись, ученик повара сообщил мужику из бара координаты “Блейка” — “впрочем, не поручусь, что у него прежний электронный адрес”, и принялся ждать. Через три дня новый знакомый послал Блейку путаный мейл — осторожничает, ясное дело. Задает вопросы. Прощупывает почву. Иногда выжидает целые сутки, прежде чем ответить. Блейк писал ему о целевом сегменте, логистике, сроках доставки, и такая предусмотрительность в конце концов успокоила заказчика. Они договорились, и Блейк запросил половину суммы в качестве аванса, а это уже четыре нуля. Когда тот сказал, что смерть должна выглядеть естественной, Блейк удвоил тариф и потребовал месяц на исполнение. И чувак, убедившись, что имеет дело с профессионалом, принял все его условия.

Но для Блейка это премьера, приходится импровизировать на ходу. Он и без того до ужаса дотошен, практичен и изобретателен. Да и фильмов насмотрелся. Голливудским сценаристам невдомек, что киллеры обязаны им по гроб жизни. С самого начала своего творческого пути он настаивал, чтобы деньги и информацию заказчик оставлял ему в полиэтиленовом пакете в указанном им месте, будь то автобус, фастфуд, стройка, мусорный бак, парк. Старался избегать слишком безлюдных мест, где он у всех на виду, но и слишком людных тоже, потому что там он сам никого не рисует. Блейк приходил туда за несколько часов, чтобы понаблюдать за окрестностями. В перчатках, в куртке с капюшоном, шляпе и очках. И еще он покрасил волосы, научился

обращаться с накладными усами и бровями, убирать и округлять щеки, обзавелся парой десятков номерных знаков всех стран мира. Со временем Блейк поднатерел в метании ножа *half-spin* и *full-spin*¹, зависит от дистанции, в изготовлении бомб, извлечении из медуз необнаруживаемого яда, и за несколько секунд собирал и разбирает 9-миллиметровый браунинг и “Глок-43”, оплату получал в биткоинах, поскольку в криптовалюте транзакции невозможно отследить, и на них же покупал оружие. Он завел себе сайт в *Deep Web*, и *DarkNet* вскоре стал для него детской забавой. Потому что в интернете полно обучающих чему угодно программ. Кто ищет, тот всегда найдет.

Итак, его жертва — мужчина лет пятидесяти, у Блейка есть его фотография и фамилия, но про себя он называет его Кен. Да, как мужа Барби. Удачная мысль: Кена вроде как и не существует в реальности.

Кен живет один, и на том спасибо, думает Блейк, будь это женатый мужик с тремя детьми, к нему пойдешь подступись. Вот только учитывая его возраст с естественной смертью особо не разгуляешься: автомобильная авария, утечка газа, сердечный приступ, случайное падение. Раз-два и обчелся. Блейк еще не набил руку на порче тормозов и выведении из строя рулевого управления, не представлял, где достать хлорид калия, чтобы вызвать остановку сердца, да и отравление газом ему как-то не зашло. Лучше пусть грохнется. Десять тысяч смертей в год. Главным образом старики, но ничего, сойдет. И хоть Кен далеко не атлет, о рукопашной не может быть и речи.

Кен жил в трехкомнатной квартире на первом этаже дома в пригороде Анмаса. Первые три недели Блейк на-

1 Техника обратного и безоборотного метания (англ.).

блюдал и примеривался. На аванс купил подержанный фургончик “рено”, с горем пополам его обустроил — одно сиденье, матрас, аккумуляторы для дополнительного освещения — и припарковался на пустынной стоянке на небольшом возвышении, прямо над поселком. Сверху ему открывался прекрасный вид на нужную квартиру. Каждое утро Кен выезжал около половины девятого, пересекал швейцарскую границу и около семи вечера возвращался с работы. В выходные его иногда навещала женщина, преподаватель французского в Бонвиле, в десятке километров оттуда. Самым рутинным, самым предсказуемым днем оказался вторник. Кен появлялся раньше обычного, тут же бежал в тренажерный зал, часа на два, вернувшись, проводил минут двадцать в ванной комнате, потом ужинал перед телевизором, какое-то время сидел за компьютером и ложился спать. В общем, вечер вторника — самое то. Блейк послал сообщение клиенту, следуя условленному коду: “Понедельник, восемь вечера?” Плюс день, плюс два часа. У заказчика будет алиби на десять вечера во вторник.

За неделю до назначенного срока Блейк отправил к Кену курьера с пиццей. Разносчик позвонил в дверь, Кен, ничего не спрашивая, открыл, стал что-то изумленно с ним обсуждать, и тот ретировался с коробкой в руках. Блейк узнал все, что хотел.

В следующий вторник он уже сам явился к Кену с пиццей, быстрым взглядом обвел безлюдную улицу и, стоя на лестничной площадке, надел черные нескользящие бахилы, подтянул перчатки, подождал немного и позвонил в дверь в тот самый момент, когда Кен вышел из душа. Кен в халате открыл ему, вздохнул, увидев коробку с пиццей у него в руках. Но он не успел ничего возразить, пустая коробка упала на пол, и Блейк разом вдавил ему в грудь оба электрошокера, не от-

нимая их, когда Кен, отброшенный зарядом, валился на колени, и держал их так еще секунд десять, пока тот окончательно не замер. Производитель гарантирует восемь миллионов вольт, Блейк испытал один шокер на себе и чуть не потерял сознание. Он оттащил Кена, стонущего и пускающего пену, в ванную, снова для полноты картины шибанул в него током и изо всех сил — он отработал это движение на кокосовых орехах раз десять подряд — обхватил руками голову несчастного, приподнял его вверх за виски и что есть мочи швырнул о бортик ванной, череп расколосся, от удара отломился кафельный ромбик. Кровь сразу залила все вокруг, алая и вязкая, как лак для ногтей, источая приятный запах теплой ржавчины, Кен так и валялся с открытым ртом, вид у него был ужасно глупый, выпученные глаза уставились в потолок. Блейк распахнул его халат — следов от электрошока не осталось. Он аккуратно уложил тело, исходя из гипотетической траектории смертельного падения по законам гравитации.

И вот тут, когда он встал, любуясь своей работой, его охватило неизбежное желание поссать. Кто бы мог подумать. Вообще-то в фильмах убийцы не писают. Ему уже совсем невтерпеж, может, воспользоваться унитазом, ну а что, потом он все тщательно за собой вымоет. Но если вдруг полицейские проявят элементарную сообразительность или, на худой конец, методичность и будут строго следовать инструкции, они обнаружат его ДНК. Никуда не денешься. Во всяком случае, Блейку так кажется. Так что, невзирая на мольбы мочевого пузыря, он решил неукоснительно следовать изначальному плану, хоть и кривился от мучительных позывов. Он взял кусок мыла, прижал его к пятке Кена, провел мыльную черту на полу и бросил мыло по линии предполагаемого скольжения: оно

отскочило и приземлилось за унитазом. Отлично. Следователь страшно обрадуется такой находке и будет счастлив, что разгадал загадку. Блейк до отказа повернул горячий кран, направил гибкий душ на лицо и туловище покойника и, старясь уклониться от обжигающих брызг, вышел из ванной.

Метнувшись к окну, он задернул шторы и в последний раз оглядел комнату. Никто не догадается, что тело оттащили на несколько метров, да и розоватая вода уже затопляет пол. Компьютер включен, на экране пестрят картинки английских газонов и цветочных клумб. А Кен-то был заядлым садоводом. На улице Блейк снял перчатки и неторопливо двинулся к своему скутеру, припаркованному в двухстах метрах от подъезда. Проехав километр, он остановился, чтобы уже наконец отлить. Черт, забыл снять бахилы.

Два дня спустя неравнодушный коллега Кена позвонит в полицию, и вскоре выяснится, что Самюэль Тадлер погиб в результате несчастного случая. В тот же день Блейк получит остаток суммы.

Но это все в прошлом. С тех пор Блейк ведет двойную жизнь. В первой он невидимка, обладатель двух десятков имен и стольких же фамилий, на каждую из которых у него имеется отдельный паспорт, часто даже подлинный биометрический, и соответствующее гражданство, вообще это все гораздо проще, чем кажется. В другой жизни он носит имя Джо и управляет на довольно большом расстоянии премилой парижской компанией по доставке на дом готовых вегетарианских блюд, с филиалами в Бордо, Лионе, а теперь еще в Берлине и Нью-Йорке. Флора, его сотрудница и по совместительству жена, и двое их детей жалуются, что он слишком часто уезжает, а иногда и слишком долго. Что есть, то есть.

21 марта 2021 года.

Квог, штат Нью-Йорк

Двадцать первого марта Блейк работал на выезде. Он бежал под морозящим дождиком по мокрому песку. Длинные светлые волосы, бандана, солнечные очки, желто-синий спортивный костюм, короче, неприметная пестрота спортсмена. Он прилетел в Нью-Йорк десять дней назад по австралийскому паспорту. Его трансатлантический перелет прошел ужасно, он успел попрощаться с жизнью, полагая, что небеса взывают к отмщению за все его подвиги. В бездонной воздушной яме блондинистый парик чуть не слетел у него с головы. И вот уже девятый день он совершает трехкилометровую пробежку по пляжу под свинцовым небом Квога, вдоль вилл за десять миллионов баксов, не меньше. Обустроили дюны, назвали недолго думая улицу Дюн-роуд, засадили ее соснами и тростником, заслонив соседние дома, чтобы у любого жителя возникало тут чувство, что океан дан ему в единоличное пользование. Блейк бежал мелкой трусцой, не спеша, и внезапно остановился, как останавливался каждый день в одно и то же время, пробегая мимо чудесной виллы, обшитой широкими хвойными досками, с плоской кровлей, большими окнами и террасой, спускающейся ступеньками прямо к воде. Он делал вид, что запыхался, сгибался пополам, словно у него закололо в боку, как бы невзначай поднимал голову и радостно махал издали упитанному мужичку лет пятидесяти, который, облокотившись на парапет, пил кофе под навесом в компании высокого, коротко стриженного брюнета, явно помо-

ложе. Брюнет с вечно озабоченным видом держался в сторонке, у дощатой стены, устремив взгляд на песчаную отмель. С левого бока невидимая кобура оттопыривала пиджак. Значит, правша. Сегодня, второй раз за неделю, Блейк с приветливой улыбкой пошел к ним по грунтовой дорожке, между зарослями дрока и низкой травой.

Точно рассчитанным движением он потянулся, зевнул, вынул из рюкзака махровое полотенце, аккуратно промокнул лицо, следом вытащил фляжку, сделал большой глоток холодного чая. Подождал, пока тип постарше обратится к нему.

— Привет, Дэн. Как дела?

— Хай, Фрэнк, — откликнулся Дэн-Блейк. Он по-прежнему демонстративно задышался и морщился от боли в боку.

— Та еще погодка для пробежки, — сказал Фрэнк, который с тех пор, как они познакомились неделю назад, успел отрастить усы и седую бородку.

— Да и денек еще тот, — поддакнул Блейк, останавливаясь в пяти метрах от них.

— Я утром думал о вас, наблюдая за курсом акций *Oracle*.

— И не говорите. Знаете, что я могу предсказать курс на несколько дней вперед?

— Да ладно?

Блейк аккуратно сложил полотенце, убрал его в рюкзак, потом, не торопясь, засунул следом фляжку и рывком выдернул оттуда пистолет. В ту же секунду он трижды выстрелил в брюнета, его отбросило назад, на скамейку, затем трижды — в ошарашенного Фрэнка, тот едва вздрогнул, рухнул на колени и привалился к балюстраде. И тому и другому досталось по две пули в грудь и по одной прямо в лоб. Шесть

выстрелов в секунду из P226 с глушителем, хотя грохот волн и так бы их перекрыл. Очередной заказ выполнен без сучка без задоринки. Сто тысяч долларов как нечего делать.

Блейк сунул “Зиг Зауэр” в рюкзак, подобрал в песке шесть гильз, вздохнул, взглянув на поверженного телохранителя. Ну да, очередная фирма нанимает охранников с парковки, обучает их за два месяца и выкидывает несчастных дилетантов в реальный мир. Если бы этот козел добросовестно выполнял свои обязанности, он бы передал своим боссам имя Дэна, его фото, сделанное издалека, название компании *Oracle*, мимолетно упомянутой Блейком, и те бы успокоили его, убедившись, что некий Дэн Митчелл, длинноволосый блондин, подозрительно похожий на Блейка, действительно является замдиректора по логистике *Oracle* в Нью-Джерси, зря, что ли, Блейк пересмотрел десятки органиграмм, чтобы среди тысяч лиц найти себе удобоваримого двойника.

И Блейк побежал дальше. Дождь уже лил всюю, размывая его следы. Арендованную “тойоту” он припарковал в двухстах метрах от дома, ее номерные знаки были сняты с точно такой же машины, которую он заметил на прошлой неделе на улицах Бруклина. Через пять часов Блейк полетит в Лондон и оттуда “Евростаром” уедет в Париж, уже под другим именем. Хорошо бы на обратном пути его трясло поменьше, чем во время перелета Париж — Нью-Йорк десять дней назад.

Блейк стал профессионалом, и ему больше не хочется писать при исполнении.